

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОДВАЛ

БОРИС РУБАШКИН — ПЕВЕЦ ИЗ РЕСТОРАНА?

Вообще-то сегодня можно сказать немного иначе: русская песня из-за рубежа снова приходит домой. Недавно в СССР приезжал этот всемирно известный исполнитель русских песен по прозвищу «мистер Казачок». Два десятилетия он не мог выступать в стране, откуда родом его предки. Но мы знаем, что музыку нашей (и своей?) родины он неустанно пропагандировал по всему миру.

Семья

ОТЕЦ Бориса Семеновича Чернорубашкина — это настоящая фамилия певца, (Рубашкин — сценический псевдоним, который, как это часто бывает у знаменитостей, стал первым именем артиста) эмигрировал из России когда ему было 17 лет. Гражданская война — это еще и два миллиона эмигрантов... Потом была Болгария, где Семен Чернорубашкин женился на болгарке. Сына назвали Борисом. Дома говорили только по-русски. За болгарское слово полагался неприменный подзатыльник. Со-

блюдали и чистоту языка, хранили память о России, пели ее песни, рассказывали ее сказки.

Не так-то просто было жить в Болгарии русским эмигрантам. Совсем плохо стало после второй мировой войны. Ни в чем не виноватые перед народной республикой люди по требованию Сталина оказались персонами нон грата на земле, где многие из них родились. Русским здесь были чуть не насильственно вручены советские паспорта. Тем, кто «возвращался» в СССР, грозила сталинская система ГУЛАГа.

— Я сейчас думаю, — говорит Борис Семенович, — может, это было сделано потому, что Сталину были нужны новые солдаты? Но мы из-за этого оказались между двух огней. Болгары называли нас белогвардейцами с красивыми паспортами и требовали, чтобы мы убирались за границу. Но решение на выезд нам могли дать только советские представители. В конце концов я попал в Чехословакию...

В поисках самого себя

ТАМ, в Чехословакии, Борис получил диплом об окончании экономического вуза. И — переехал в Авст-

рию. С дипломом он год проработал на фабрике простым рабочим, пока более или менее не освоил язык.

— Отец учил меня, что главное для человека — это свобода. Потом важна профессия. И, в-третьих, семья. Он говорил: «Без свободы твоя профессия убьет тебя. А без свободы и профессии ты не сможешь прокормить семью». Логика крестьянская, но для меня высшая.

...Мечта Бориса Рубашкина — приехать летом на Дон, инкогнито. Побродить по земле предков.

Лет семь назад он приезжал в Москву. Но тогда об этом практически никто даже из поклонников его таланта у нас в стране не знал. Тогда Борис хотел вступить в переговоры с фирмой «Мелодия», чтобы выпустить у нас свои пластинки.

— Разговаривали со мной три важных бюрократа. Я им предлагаю: «Вы пустите мои записи, и вы заработаете своему государству кучу денег! На черном рынке мои записи стоят дорого, почему же мы — ваше государство и я — должны их терять?». И предложил им песни на стихи Есенина, романсы, казачьи песни. Мои собеседники посоветовались: «Нет, вашу пластинку мы не можем выпустить. Ведь все знают, что вы поете блатные песни, и подумают, что мы их поощряем». Нет так нет. Прощаюсь. Тут они оживились: «А пластинки у вас с собой?». Я достаю записи народных песен. Гляжу, они поскущели как-то. Наконец, один не выдержал: «А блатные есть?».

Борис никак не мог понять, почему, собственно, его песни в СССР под запретом. На деле все было куда проще — «политика». У сына эмигранта, видите ли, не может быть хороших песен. Народные замалчивались, а те, что мы называем «городским фольклором», — выпячивались. Он пел и поет «Мурку», «Чубчик», «Чайку» — ну и что? А кто сказал, что это плохо? Ах, Жданов и Суслов... Тогда понятно.

Борис никак не мог понять, почему, собственно, его песни в СССР под запретом. На деле все

Он поет

и оперные арии!

БОРИС рассказывает: — Помню, в Италии мы долго бродили по магазинам с одним знаменитым советским певцом, приглашенным в «Ла Скала». Накупили кучу всякой всячины, в том числе много серебра для его жены. Потом пришли в гостиницу. В номере они

накрыли стол: сыр порезали, хлеб. Хотя внизу был отличный ресторан, в котором можно было поужинать. Выпили. Он мне и говорит: «Мне, как советскому человеку, было стыдно петь те песни, которые ты исполняешь!»

До этого Борис подрабатывал танцором в Чехословакии, а в Австрии несколько лет танцевал Венской народной опере. И там за кулисами, играл как-то раз шахматы с тенором-болгарином. Тот выступал «по совместительству» в русском ресторане «Жар-птица». И он пригласил Бориса выпить и послушать свое выступление.

Выпили водки, тенор запел, Борис возьми и подхвати вторым голосом. Приятель удивился, предложил еще что-нибудь спеть такими же песнями!

Возможно, наш соотечественник думал, что он прищепит Борису самолюбие? Ведь не знал, навер-

ное, приглашенный в «Ла Скала» товарищ вокалист, что Борис десять (!) сезонов проработал Зальцбургском оперном театре. Это — родина Моцарта, тут долгие годы в вокале и музыке вообще знают.

Он назвал сумму в два раза больше той, что Борис получал в опере, и предложил петь у него. Но Борис бросать оперу не хотел и выступал в «Жар-птице» после спектаклей.

— И тут подходит ко мне какой-то человек и грозно спрашивает: «Кто это здесь пел?» Я знал, что в таких первоклассных ресторанах есть люди, которые наблюдают за порядком: чуть что — вышибут вон. Я решил: будут выгонять. А это оказался владелец ресторана.

Он назвал сумму в два раза больше той, что Борис получал в опере, и предложил петь у него. Но Борис бросать оперу не хотел и выступал в «Жар-птице» после спектаклей.

— И еще он пел в церквях!

ДА, я верю в Бога. Но не только по этой причине я часто пою в церквях. Русская литургия —

прекрасная, удивительная музыка. Многие большие композиторы писали произведения для церкви: Чайковский, Бортнянский... Во многих странах люди с удовольствием слушают русскую церковную музыку. Вообще на Западе сейчас огромный интерес ко всему русскому. Это происходит под влиянием перестройки, политики Горбачева.

Интересно, что Борис заметил о ресторанах на Западе:

— Я обратил внимание, что в Советском Союзе какое-то презрительное отношение к артистам, которые работают в ресторанах. Может, это следствие того, как русские рестораны за рубежом изображаются в советских фильмах? Я видел столы, уставленные пустыми бутылками, ходят полуголые женщины, пьяные цыгане песни поют... Я как-то не вы-

держал и спросил одного такого режиссера: «Где вы видели на Западе такой ресторан? Дайте адрес, я хоть пойду, посмотрю». На самом деле, в ресторанах такая чистота, что можно носовым платком по полу протереть — и не запачкается. А уж о пьяных и речи быть не может...

И, естественно, музыкальной халтуры там нет. Звучит только русская музыка исключительно высокого качества. Вертинский, Лещенко, Дмитриевич пели в ресторанах. И вовсе не потому, что это был горький кусок черного хлеба. Это был контакт, оттачивание мастерства, ими гордились. Попасть на их концерты — а именно так называется каждый вечер с их участием в ресторане — мог далеко не всякий. И не из-за цен на ужины и обеды, они-то как раз были недороги...

— И еще он пел в церквях!

ДА, я верю в Бога. Но не только по этой причине я часто пою в церквях. Русская литургия —

прекрасная, удивительная музыка. Многие большие композиторы писали произведения для церкви: Чайковский, Бортнянский... Во многих странах люди с удовольствием слушают русскую церковную музыку. Вообще на Западе сейчас огромный интерес ко всему русскому. Это происходит под влиянием перестройки, политики Горбачева.

Интересно, что Борис заметил о ресторанах на Западе:

— Я обратил внимание, что в Советском Союзе какое-то презрительное отношение к артистам, которые работают в ресторанах. Может, это следствие того, как русские рестораны за рубежом изображаются в советских фильмах? Я видел столы, уставленные пустыми бутылками, ходят полуголые женщины, пьяные цыгане песни поют... Я как-то не вы-

— Начинаешь слушать Кобзона или Пугачеву и уже предлагаешь, чем это закончится. Все песни написаны в одном направлении. Или же так, как недавно пел Кобзон: о любви, но в ритме марша. Как это можно?!

Ему грустно, что советские поп-музыканты подражают западным. Он ждет своеобразия. Тем более, что у русской поп-музыки прекрасные традиции — стиль одесских песен неповторим, песни Утесова и Бернеса...

Борис Семенович надеется, что сможет теперь приезжать с концертами. Вилли Токарев приехал — и дал концерт. Почему он сам не поет? Будет!

Кстати, на «Мелодию» готовится наконец диск-гигант Рубашкина. Это пристукнет под коленки черной рыбки. Долго же нам пришлось набиваться, чтобы поднять вальвлившиеся денюжки...

Сколько же мы растеряли за десятки лет. Сколько нам предстоит изумительных находок. Мы, как дети, открывающие двери в большой мир. И он куда больше и интереснее, чем мы думали и чем нам рассказывали раньше.

А. ИКОННИКОВ.

1989 - 6017